

Редьярд Киплинг

Нарушитель судебного движения

*Часть сборника
Самая удивительная повесть в
мире (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Нарушитель судебного движения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648603

Аннотация

«„Братья св. Троицы“ постановили, чтобы никто из посторонних не допускался на их маяки с наступлением темноты, но служащие держатся на этот счёт особого мнения. И если вы разговорчивы и интересуетесь их службой, они позволят вам сидеть вместе с ними в течение долгой ночи и помогать им направлять суда на фарватер...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Редьярд Киплинг

Нарушитель судового движения

* * *

«Братья св. Троицы»¹ постановили, чтобы никто из посторонних не допускался на их маяки с наступлением темноты, но служащие держатся на этот счёт особого мнения. И если вы разговорчивы и интересуетесь их службой, они позволяют вам сидеть вместе с ними в течение долгой ночи и помогать им направлять суда на фарватер.

Маяк св. Цецилии под Утёсом считается одним из самых важных южнобережных маяков в Англии, потому что господствует над очень туманным берегом. Когда все море окутано туманом, св. Цецилия поворачивает к морю свою увенчанную капором голову и поёт песню из двух слов, повторяющуюся через минутные промежутки. Со стороны суши песня эта напоминает рёв разъярённого быка, но в море её понимают, и пароходы благодарно гудят в ответ.

Фенвик, который дежурил в эту ночь, дал мне пару чёрных очков, без которых ни один человек не может безна-

¹ Так называется морское бюро, которое управляет маяками известного района.

казанно выносить свет маяка, и занялся чисткой линз до наступления темноты. Перед нами расстиралось гладкое и многоцветное, как внутренняя сторона устричной раковины, пространство Британского канала. Маленький зондерландский грузовой бот сигнализировал агентству Ллойда, которое находится на берегу, в полумиле от маяка, и медленно направился к западу, оставляя за собой белый пенистый след. Над утёсами загорелась звезда, вода изменила свой цвет и сделалась свинцовой, а маяк св. Цецилии выбросил на воду восемь длинных световых полос, которые медленно передвинулись справа налево и слились в один широкий столб яркого света прямо перед башней; столб этот снова разделился на восемь полос, и затем свет исчез за поворотом.

Фонарь маяка бесчисленными гранями стёкол вращался на своих катках, а машина с сжатым воздухом, приводившая его в движение, жужжала, как синяя муха на стекле. Стрелка индикатора на стене передвигалась от цифры к цифре. Восемь передвижений отмечали полуоборот фонаря: ни больше, ни меньше.

Фенвик внимательно проследил несколько первых оборотов; он слегка приоткрыл питательную трубку машины, взглянул на регулятор скорости и снова на индикатор и вымолвил:

– Несколько часов она ещё проработает. Мы только что послали нашу машину в Лондон, а эта, запасная, далеко не такая точная.

– А что случилось бы, если бы израсходовался весь сжатый воздух? – спросил я.

– Нам пришлось бы вертеть машину самим, наблюдая в то же время за индикатором. Для этого есть особая рукоятка. Но этого ещё ни разу не случалось. Сегодня ночью нам понадобится весь запас сжатого воздуха.

– Почему? – спросил я. Я ждал ответа не более минуты.

– Взгляните сюда, – пригласил он, и я увидел, что из безжизненного морского пространства поднялся мёртвый туман и окутал нас в то время, как я стоял спиной к морю. Полосы света, падавшие из окон маяка, с трудом пробивали густые клубы белой мглы. С балконов, окружавших фонарь, видно было, как белые стены маячного здания погружались в волнующееся и словно дымящееся пространство. Шум прилива, медленно поднимавшегося к скалам, заглушался до глухого шипенья.

– Вот так-то и подползают обычно наши туманы, – сказал Фенвик тоном хозяина. – А теперь послушайте этого дурачка, который завывает, «прежде чем он ушибся».

В тумане слышалось что-то вроде мычания рассерженного телёнка; оно могло быть на расстоянии полумили или полсотни миль от нас.

– Уж не думает ли он, что мы легли спать? – продолжал Фенвик. – Вы сейчас услышите, как мы будем разговаривать с ним. Он очень хорошо знает, где находится, но он не унижается и кричит только для того, чтобы мы ему ответили,

как будто он уже сидит на мели.

– Кто это «он»?

– Ну разумеется, вон тот зондерландский бот. Ага!..

Я услышал шипение паровой машины внизу в тумане, где постукивали динамо-генераторы маячного света, но вот раздался рёв, который разорвал туман и потряс здание маяка.

– Гит-туут²! – ревела сирена св. Цецилии. Мычание прекратилось.

– Дурачок! – повторил Фенвик. Затем, прислушиваясь: – Ещё наше счастье, если поблизости нет другого такого. Да, да, они постоянно говорят, что туман сталкивает суда в море. Они будут орать всю ночь, а сирены будут отвечать им. Мы поджидаем в канале несколько кораблей, гружённых чаем. Если вы положите свой сюртук на стул, вам будет гораздо удобнее, сэр.

Не очень-то приятная вещь – отдать себя на всю ночь в собеседники одному человеку. Я взглянул на Фенвика, а Фенвик бросил взгляд на меня; каждый из нас старался определить способность другого наводить скуку или прогонять её. Фенвик был старый, чисто выбритый седой человек, который в течение тридцати лет плавал в море, а на суше старался выведать у меня то небольшое, что я знал по его специальности, подлаживаясь под уровень моего понимания до тех пор, пока не оказалось, что я встречался с капитаном того судна, где служил сын Фенвика, а также, что я видел неко-

² Искажённое «Get out», что значит «Уходите прочь».

торые места, где бывал и Фенвик. Он начал с диссертации о лоцманском искусстве на Хугли. Я был посвящён в тайны лоцманского дела на Хугли. Фенвик же только видел членов этой почтённой искусной корпорации на палубе корабля, и все его отношения с ними ограничивались возгласами: «Четыре три четверти» и замечаниями чисто делового характера. После этого он перестал снисходить до моего уровня и засыпал меня такими удивительными техническими выражениями, что мне то и дело приходилось просить у него объяснения. Это было ему чрезвычайно приятно, и мы разговаривали, как люди, стоящие на одинаковой высоте понимания и слишком заинтересованные данным предметом, чтобы думать о чем-либо ином. А предметом разговора были кораблекрушения, морские путешествия, торговые сношения в доброе, старое время, разбившиеся и брошенные на произвол судьбы суда, пароходы, которые мы оба знали, их достоинства и недостатки, способы погрузки, Ллойд и больше всего – маяки; беседа то и дело возвращалась к маякам: маяки – в канале, маячки – на забытых островах и люди, забытые на них, плавучие маяки – два месяца службы и месяц отдыха, маяки, которые покачиваются на всегда беспокойном течении, удерживаемые на одном месте якорями, и, наконец, маяки, которые люди видели там, где на карте не было отмечено ни одного маяка.

Не вдаваясь в пересказ всех этих историй и тех удивительных путей, которыми он переходил от одной из них к дру-

гой, я передам здесь с его слов одну из них, поразительную не менее других. Она была рассказана мне отрывками под шум катков вращающейся рамы с линзами, сопровождаемый рёвом сирены внизу, ответными гудками с моря и резким криком безрассудно смелых ночных птиц, которые налетали на стекла фонаря. В ней говорится о человеке по имени Доузе, когда-то близком друге Фенвика, а теперь – лодочнике в Портсмуте, который уверовал в то, что на душе его лежит кровавое преступление, и не мог найти себе покоя ни в Портсмуте, ни в Госпорт Харде.

– Если кто-нибудь пришёл бы к вам и сказал: «Я знаю явские течения», – не верьте ему, потому что ни один смертный не знает до сих пор этих течений. Они проходят то здесь, то там, но никогда не делают менее пяти узлов в час между островами Восточного архипелага. Есть и течения в заливе Бони – на север от острова Целебеса, которые ни один человек не может объяснить; и среди всех этих явских проходов, начиная от проливов Балийского, Голландского и Омбейского, который я считаю самым безопасным, они сталкиваются, изменяют направление и бросают громадные валы то на один берег, то на другой, пока ваше судно не расколется пополам. Я проходил через Балийский пролив кормою вперёд во время сильного юго-восточного муссона, который дул наперерез северному течению, и наш шкипер сказал, что он никогда больше не пойдёт в это место даже ради Ямрах³.

³ **Ямрах** – поставщик животных для зверинцев.

Вы слышали о Ямрахе, сэр?

– Да, слышал. И этот Доузе служил на маяке в проливе Бали? – сказал я.

– Нет, он был не в Бали, а гораздо восточнее проходов, во Флоресовом проливе, на восточной оконечности Флореса. Это как раз на пути к югу, в Австралию, когда пройдёшь Восточный архипелаг. Иногда, если у вас имеется хорошая паровая машина, вы идёте через Балийский пролив, а иногда через Флоресов пролив так, чтобы сразу же взять к югу и обойти Тимор, минуя Сахульскую банку. В противном же случае, если у вас нет сильной машины, для вас прямой расчёт пойти кругом через Омбейский пролив, держась все время северного берега. Вы понимаете меня, сэр?

Так как у меня не было сильной машины, то я счёл более удобным держаться северной стороны – Берега Безмолвия.

И во Флоресовом проливе, как раз посередине между Адонарским островом и материком, есть маяк на сваях, под названием Вурли, куда и поступил на службу Доузе. Расстояние между берегами Флоресова пролива у входа в него не превышает миль. Но затем он расширяется до десяти или двенадцати миль, образуя Солерский пролив, и снова сужается до трех миль вблизи пылающего вулкана. Это – старый Лоби-Тоби у пролива того же названия, и если вы будете придерживаться на линии огней этого вулкана и маяка урли, то вы можете быть спокойны даже в самую тёмную ночь. Это говорил мне Доузе, а я охотно верю ему, потому что сам хо-

рошо знаю эти места. Но вы должны постоянно помнить о течениях. Так вот, Доузе послали сюда, потому что это был единственный человек, который согласился жить на Вурли и поддерживать огонь маяка, на службе у голландского правительства, владеющего проливом. Оно охотно берет голландцев и итальянцев, потому что про англичан говорят, что они слишком много пьют в одиночестве. Я никогда не мог хорошенько понять, что заставило Доузе поступить на это место, но он это сделал и стал наблюдать за тиграми, выходившими из лесов и охотившимися на крабов в часы отлива. В этих местах вода всегда тёплая, я это хорошо знаю, и как-то особенно скверно пахнущая, а во время приливов она делается густой и маслянистой, как помой в корыте для свиней. На маяке был вместе с Доузе ещё один человек, но это был необыкновенный человек. Вся его кожа была покрыта какими-то пятнами и трещинками от того, что он обычно проводил столько времени в солёной воде, сколько было возможно. Да и руки у него были перепончатые, как у ластоногих животных. Я теперь вспоминаю, как Доузе говорил мне, что за его привычки его прозвали Оранг-Лордом. Вы слышали об Оранг-Лорде, сэр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.